

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письма: XIX: Гонг-Конг, 5 марта, XX: Тоокео, 14 апреля 1892 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 3. № 10. С. 123–143 (2-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

(Письма японскаго миссіонера) ¹⁾.

ПИСЬМО XIX.

5-го Марта, 1892 г. Гонгъ-Конгъ.

Скоро два мѣсяца, какъ стоимъ въ Гонгъ - КонгѢ. Прекрасный городъ, а еще лучше здѣшняя погода: тепло, ясно, какъ-то даже и не вѣрится, что теперь зима. Въ послѣдніе дни, впрочемъ, стали набѣгать тучки и по временамъ идетъ дождь, но это только въ послѣдніе дни, съ началомъ весны раньше не было и этого. Жители Гонгъ-Конга стали даже бояться этой ясной погоды. Она грозила оставить ихъ безъ воды. Какъ ни хитры англичане, какъ ни изобрѣтательны они на все, что нужно для ихъ комфорта и вообще для благоустройства ихъ жизни, а природу не перехитрить и имъ. Итъ долго дождя, — нѣтъ и воды даже въ самомъ Гонгъ-КонгѢ.

Собственно Гонгъ-Конгомъ называется небольшой островъ, лежащій у самаго берега восточной Азии, приблизительно на 22 градусѣ сѣверной широты, недалеко отъ Кантона, Макао и пр. Проливъ между островкомъ и материкомъ образуетъ прекрасный рейдъ, какъ и въ англійскомъ ПенангѢ. На внутренней, къ проливу, сторонѣ островка, также какъ и въ ПенангѢ, расположенъ городъ, который подобно пенангскому Джоржъ-тауну, носитъ англійское названіе: города Викторіи. Но, какъ тамъ, такъ и здѣсь англійское названіе никакъ не можетъ удержаться: всюду

¹⁾ См. В. В. Сентябрь.

тотъ и другой городъ извѣстны по китайскимъ именамъ тѣхъ островковъ, на которыхъ они расположены.

Всякому, кто бываетъ въ Гонгъ-Конгъ нужно подняться по трамваю на Пикъ. Я былъ уже тамъ въ свое первое посѣщеніе Гонгъ-Конга. Оттуда превосходный видъ на рейдъ, на море и на городъ. Желаящіе могутъ подняться и въ паланкинахъ: всюду устроены прекрасныя дороги. И такъ по всему островку.

Въ самомъ городѣ хорошъ садъ Викторіи съ его водоемами. Слѣдуетъ непременно посмотрѣть и на кладбища за городомъ. Здѣсь ихъ нѣсколько, для каждаго вѣроисповѣданія особое. Есть католическое, протестантское (англійское), магометанское, парское. Всѣ расположены рядомъ. Особенно хорошо англійское: это не кладбище, а самый роскошный паркъ, убранный съ тропическимъ богатствомъ. Могильные памятники какъ-то пропадаютъ среди могучей зелени. Жизнь торжествуетъ побѣду надъ символами смерти. Одно только непріятно поразить всякаго, кто внимательно присмотрится къ этому кладбищу: на немъ нѣтъ ни одного китайскаго памятника, хотя китайцы - протестанты въ городѣ, несомнѣнно, есть. Культурные англичане, кичащіеся своимъ знаніемъ Библии и приверженностью къ ней, погнушались, очевидно, своими китайскими единовѣрцами. Послѣ мы, гуляя за городомъ, нашли кладбище китайскихъ протестантовъ: расположено оно далеко подъ горой, въ оврагѣ. Заброшено, пустынно, неприглядно. Одни кресты говорятъ, что это христіанское кладбище, а не мѣсто погребенія какихъ-нибудь преступниковъ и отверженниковъ. Такой сепаратизмъ не дѣлаетъ чести протестантамъ. Католики въ этомъ отношеніи гораздо послѣдовательнѣе: разъ принять челоуѣкъ въ церковь, имъ не гнушаются, и послѣ смерти его останки найдутъ себѣ мѣсто рядомъ съ европейцемъ. На здѣшнемъ католическомъ кладбищѣ среди роскошныхъ памятниковъ португальцевъ, вы видите и скромные кресты съ китайскими надписями: это китайцы-католики. Не испортили бы эти кресты и богатаго англійскаго кладбища-парка, было бы тамъ мѣсто и имъ.

Въ городѣ есть нѣсколько храмовъ разныхъ вѣроисповѣданій. Есть нѣсколько миссіонерскихъ учрежденій, воспитательныхъ и пр. Осмотрѣть все это для меня было

очень интересно, тѣмъ болѣе, что и англійскій языкъ теперь я немного понималъ. Однажды мы, вдводемъ съ однимъ изъ офицеровъ, дѣйствительно, и направились осматривать.

Сначала пришли къ St. Paul College. Это авглійское заведеніе, устроенное специально для китайцевъ. По первоначальному плану это должно быть что то въ родѣ миссіонерской семинари, но куда открыта одна только низшая школа. Въ домѣ Колледжа живетъ теперь англійскій епископъ, въ вѣдѣніи котораго находится діоцезъ Кантона. Во второмъ этажѣ въ одной изъ просторныхъ комнатъ помѣщается упомянутая школа. Мы вошли. Въ комнатѣ сидѣло человѣкъ сорокъ китайцевъ, всѣ въ тюбיתейкахъ, съ косами. Одѣты всѣ одинаково, очень опрятно. Ихъ поучалъ тоже китаецъ съ интеллигентнымъ лицомъ. При нашемъ входѣ онъ всталъ и подошедши къ намъ, заговорилъ довольно чисто по англійски. Онъ оказался протестантомъ. Его ученики частію были тоже протестанты, большинство же были язычники. Школа, по его словамъ, не имѣла прямой миссіонерской задачи, ея цѣлью было англійское воспитаніе вообще. И учителя, и учениковъ, должно быть, очень занималъ мой костюмъ, невиданный ими, но удивительная китайская выдержанность, только изрѣдка взгляды выдавалъ, что китаецъ насъ подробно осматривалъ.

Выше этого Колледжа и недалеко отъ него стоитъ очень большой католическій соборъ. Мы направились туда. Соборъ былъ почти пустъ. Кое-гдѣ на скамьяхъ сидѣли одинокіе богомольцы. Въ боковомъ придѣлѣ пожилой китаецъ что-то преподавалъ человѣкамъ десяти китайчатъ. Это должно быть катехизація.

При выходѣ изъ собора повстрѣчался какой-то китаецъ, прислуживающій при храмѣ. При помощи такихъ общепонятныхъ словъ, какъ „католикъ“, „Рома“, „патеръ“, намъ удалось узнать, что онъ христіанинъ и что квартира патеровъ находится рядомъ съ соборомъ. Смотрѣть, такъ смотрѣть, отправились и къ патерамъ.

Насъ провели по темному корридолу къ какой-то двери. Постучали и входимъ. На встрѣчу намъ всталъ высокий китаецъ съ орлинымъ носомъ и клинообразной, французской бородкой. На немъ надѣта была китайская синяя юбка

и черная кофта, на ногахъ китайскіе башмаки, „копытца“, какъ характерно прозвали ихъ русскіе. На головѣ обычная тюбетейка съ краснымъ шарикомъ, изъ подъ нея спускалась почти по полу длинная коса, настоящая или поддѣльная, не знаю. Однимъ словомъ прямо китаецъ. Не смотря однако, на этотъ маскарадъ сразу же можно было видѣть, что предъ нами стоитъ европеецъ. Спрашивается, имѣетъ ли послѣ этого смыслъ переимѣна одежды, когда національности своей человѣку не скрыть? Католики вездѣ стараются мудрить. Какъ въ доброе старое время Господа Иисуса изображали нарочно китаецемъ съ косою и пр., или даже прямо буддой, такъ теперь придумываютъ особые костюмы для своихъ миссіонеровъ. Будь только истиннымъ христианиномъ, истиннымъ посланникомъ Христа, тогда никакая одежда, никакая національность не повредитъ проповѣди. Конечно, не въ костюмѣ дѣло. Но весьма характеренъ этотъ пріемъ подкрасться какъ-нибудь незамѣтно и уловить. Пріемъ этотъ употребляется всюду и всегда въ католической церкви: патеры стараются руководить паствой не слышащей и не видящей, приманками привлекаемой къ Христову ученію, Христосъ такъ не дѣлалъ.

Комната, въ которую мы вошли, служила для патера, очевидно, и пріемной и кабинетомъ. Я прежде слышалъ много о простотѣ жизни католическихъ миссіонеровъ. Этому удивляются всѣ, сами протестанты даже. Между тѣмъ какъ протестантскіе миссіонеры получаютъ большое жалованье и окружаютъ себя чисто англійскимъ комфортомъ, католическіе патеры получаютъ какіе-нибудь гроши, не больше простого катихизатора - японца, и живутъ безъ всякихъ удобствъ. Комната вполне подтверждала эту молву. Стоялъ простой деревянный, некрашеный столъ, заваленный бумагами и книгами, предъ нимъ такой же простой стулъ. У стѣны конторка и книжный шкафъ. Кромѣ того нѣсколько старыхъ и разнокалиберныхъ стульевъ, тоже самыхъ простыхъ. Все не только просто, но прямо бѣдно, убого. Ни малѣйшаго намека на какую-нибудь заботу объ удобствахъ. Это была даже не жилая комната, а какое-то временное помѣщеніе. Для своего дѣла человѣкъ, повидимому, хотѣлъ отказаться отъ всякой мысли о себѣ, о своемъ благополучіи.

Мы сѣли. Китаецъ извинился, что не привыкъ говорить по англійски, ему долгое время пришлось пробыть въ Китаѣ, гдѣ англійскій языкъ совсѣмъ не слышенъ. Для насъ это было еще лучше, не такъ страшно съ нашимъ ломаньемъ. Нашъ хозяинъ былъ родомъ итальянецъ и много лѣтъ провелъ внутри Китая въ миссиі, а теперь назначенъ сюда, въ Гонгъ-Конгъ на мѣсто провикарія. Узнавъ, что мы русскіе, онъ не мало подивился, что мы говоримъ по англійски, а не по французки. „Всѣ русскіе говорятъ по французки“. Непріятно было ему, повидимому, узнать, что я тоже миссіонеръ. Католики всегда держатся въ сторонѣ отъ другихъ миссій. Удивительное соперничество! Впрочемъ, эта черта свойственна многимъ и не католикамъ.

Я спросилъ, сколько у нихъ здѣсь христіанъ китайцевъ? Патеръ отвѣтилъ, что главная ихъ наства въ Гонгъ-Конгѣ—португальцы, китайцы же только между прочимъ. „Впрочемъ, замѣтилъ онъ, у насъ здѣсь есть и китайцевъ до двухъ тысячъ“. При этомъ я чуть не улыбнулся, вспомнивъ, что миссіонерское круглое число всегда нужно понимать особенно. Когда у насъ—миссіонеровъ насты набирается тысяча одинъ человекъ, то мы на вопросъ о ея количествѣ всегда отвѣчаемъ круглымъ числомъ. „Такъ, моль, тысячи двѣ, около этого“. По крайней мѣрѣ, въ лавкѣ библейскаго общества, въ которую я заходилъ незадолго предъ этимъ, продавецъ-методистъ сказалъ, что китайцевъ-католиковъ здѣсь совсѣмъ немного, человекъ двѣсти.

Патеръ поговорилъ съ нами о миссиі внутри Китая. Китайцы, по его словамъ, трудно поддаются проповѣди, народъ вообще несклонный перемѣнять что-нибудь свое. Зато, принявъ крещеніе, китаецъ дѣлается хорошимъ, постояннымъ христіанномъ. Предполагается, конечно, что непременны только тѣ, кто искренно крестится. Такіе несомнѣнно есть, это доказываетъ и исторія послѣднихъ гоцецій на христіанъ въ Китаѣ. Въ газетахъ упоминалось нѣсколько случаевъ, когда христіане-китайцы отдавали себя на избіеніе расходившейся языческой толпы только бы спасти отъ побоевъ своихъ патеровъ. Это говорить о многомъ, тѣмъ болѣе что патеромъ является не китаецъ, а все тотъ же ненавистный для китайца европеецъ.

При насъ вошелъ въ комнату другой китаецъ, уже па-

стоящій. Онъ, ни слова не говоря, опустился продъ патеромъ на колѣни, какъ предъ иконой. Дисциплина у католиковъ, очевидно, процвѣтаетъ.

Поговоривши съ патеромъ съ полчаса, мы попросили его показать намъ ихъ учрежденія, особенно извѣстный здѣсь St. Josef College. Патеръ пошелъ показывать намъ дорогу. У входа въ соборную ризницу стояло нѣсколько человекъ другихъ патеровъ. Двос или трое изъ нихъ были, такъ называемые, Христіанскіе братья. Это въ родѣ монашескаго ордена съ исключительно педагогическими задачами. Одѣты онѣ въ черныя рясы съ бѣлыми галстуками, спускающимися на грудь.

Въ соборѣ шла въ это время проповѣдь на китайскомъ языкѣ; тамъ же находились и всѣ ученики и учителя Колледжа: былъ постъ и они готовились къ исповѣди. Мы всетаки попросили показать намъ Колледжъ.

Тогда отъ группы отдѣлился одинъ изъ Христіанскихъ братьевъ, съ рыжей бородой, небольшого роста, въ очкахъ. Онъ насъ повелъ по каменной лѣстницѣ, которая круто поднималась прямо отъ собора по горѣ къ большому трехэтажному зданію. Это и былъ Колледжъ св. Іосифа, устроенный Христіанскими братьями. У нихъ такихъ колледжей довольно много и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и здѣсь на Востоку. Миссіонерскихъ цѣлей (т. е. распространенія христіанства среди язычниковъ), они не преслѣдуютъ: задача ихъ чисто педагогическая, дать образованіе юношеству. Конечно, это образованіе дается въ строго-католическомъ духѣ. Юношество ведется прямо къ папѣ на безгласную службу. Если не ошибаюсь, орденъ Христіанскихъ братьевъ своимъ происхожденіемъ едва ли не обязанъ іезуитамъ. По крайней мѣрѣ, Игнатій Лойола у нихъ въ большой чести. Цѣль, слѣдовательно, этого братства довольно опредѣленная.

Не стѣняясь національностью, а преслѣдуя только одну цѣль религиозную, латинскую, Христіанскіе братья предлагают образованіе, какое гдѣ нужно. Въ Сайгонѣ у нихъ французскій колледжъ, а здѣсь англійскій. „Безъ насъ нельзя обойтись, говорилъ мнѣ потомъ директоръ этого Колледжа: португальцу необходимо англійское воспитаніе, иначе ему хлѣба здѣсь не достать“.

Нашъ проводникъ оказался ирландцемъ, слѣдовательно, испавидѣль англичанъ и говорилъ по-французски. Онъ уже 14 лѣтъ служить въ Колледжахъ братства. Пять лѣтъ пробылъ въ Цейлонѣ, четыре въ Сингапурѣ. Теперь приѣхалъ въ Гонгъ-Конгъ на годичный отдыхъ (по болѣзни).

Мы обошли съ нимъ все зданіе. Въ колледжѣ, кажется, семь классовъ. Здѣсь же помѣщается и общежитіе учениковъ. Особенно понравилось намъ то, что и монахи-учителя живутъ точно также общежитіемъ. Всѣ они имѣютъ общій столъ и даже общую комнату для занятій. Это довольно просторная комната, кругомъ по стѣнамъ разставлено нѣсколько конторокъ для учителей и письменный столъ для брата-директора. Въ этомъ все внѣшнее отличіе послѣдняго, во всемъ остальномъ онъ такой же простой монахъ, какъ и учителя. Священства никто изъ Христіанскихъ братьевъ не принимаетъ или, если приметъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ и орденъ: это для того, чтобы братья могли всецѣло отдаться дѣлу воспитанія, священникъ необходимо будетъ отвлекаться внѣшними пастырскими обязанностями. Проводя день съ учениками, а вечеръ въ общей занятой комнатѣ, учителя и директоръ только ночью предоставляютъ себѣ самимъ: спальни у каждаго отдѣльная.

Нельзя не отдать чести католикамъ за эту ихъ дисциплину, которая видна во всей внѣшней жизни ихъ духовенства. Если онъ назвалъ себя монахомъ, такъ онъ не считаетъ для себя зазорнымъ или вообще лишеніемъ и внѣшнюю жизнь свою поставить по монашески. Директоръ могъ бы, конечно, имѣть и большую квартиру, могъ бы позволить себѣ отличія и въ одеждѣ и въ столѣ, и во всякомъ случаѣ могъ бы заниматься не въ общей комнатѣ съ остальными учителями, но онъ предпочитаетъ оставаться во всемъ простымъ монахомъ, каковъ онъ и есть, довольствуется властью и служеніемъ, не пользуясь ими для упокоенія. Черта эта достойна всякой похвалы и подражанія.

Мы спустились опять къ собору, изъ котораго между тѣмъ доносилось хоровое пѣніе. Въ лѣвомъ придѣлѣ собрались ученики и учителя Колледжа. Шло Benedictio. Служилъ черномазый патеръ португалець, ему прислуживалъ

въ бѣломъ стихарѣ китаецъ; коса престранно спускалась по стихарю.

Служба скоро кончилась и мы отправились домой, при чемъ провожатый нашъ не преминулъ на прощанье пожелать намъ скорѣйшаго занятія Кореи и Константинополя. „Иначе Корею возьмутъ англичане и обратятъ въ протестантизмъ“.

Нѣсколько дней потомъ я снова былъ въ Колледжѣ одинъ и на этотъ разъ въ классное время. Директоръ, замѣчательно красивый пожилой человѣкъ, съ черною, какъ смоль, бородой, начавшей серебриться, принялъ меня въ высшей степени любезно, обошелъ со мной по всеѣмъ классамъ. Показалъ все. Учителя были точно на подборъ, все громадные, чернобородые, а на помощь имъ даны трое низенькихъ, совершенно еще юныхъ Христіанскихъ брата, рыжихъ до послѣдней степени. Все были американцы, кажется, ирландскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ, старались съ первыхъ словъ заявить свое нерасположеніе къ Англіи.

Классы расположены попарно: старшій съ младшимъ. Въ старшемъ преподаетъ чернѣйшій учитель, въ младшемъ (соединенномъ стеклянною дверью) его рыжій помощникъ. Въ случаѣ какого-нибудь недоумѣнія, помощникъ можетъ тутъ же обратиться за совѣтомъ къ старшему.

Воспитанники почти все португальцы, въ старшихъ классахъ встрѣчаются и китайцы. Колледжъ, по словамъ директора, никакихъ миссіонерскихъ цѣлей не имѣетъ, но если обратятся къ нимъ и китайцы, то принимаютъ и ихъ безъ различія вѣроисповѣданій. Въ младшихъ классахъ китайцы учатся отдѣльно отъ европейцевъ, а въ старшихъ соединяются. Раздѣленіе на расы между учениками очень сильное: даже для игръ пришлось отвести для китайцевъ особое мѣсто.

Бросаются въ глаза и отношенія между учителями и учениками. Не замѣтно никакой натянутости, придавленности. Обращаются просто, дружественно. При входѣ директора все, конечно, встаютъ, но такъ ласково ему улыбаются, что и слѣда нѣтъ того принижающаго трепета, который часто производитъ появленіе начальника на воспитанниковъ. Не даромъ говорятъ, что рѣдкій изъ воспита-

телей католическихъ коллегій не сохраняетъ связей со своими воспитанниками и послѣ выхода ихъ изъ коллегіи. Во многихъ затруднительныхъ случаяхъ жизни, онъ по прежнему является довѣреннымъ лицомъ и совѣтникомъ.

Ученики воспользовались моимъ посѣщеніемъ, чтобы нѣсколько сократить подѣ благовиднымъ предлогомъ свои уроки. Одинъ изъ нихъ пошелъ къ директору и о чемъ-то его, умильно улыбаясь, попросилъ. „All right“, сказалъ директоръ. Черезъ нѣсколько времени всѣ ученики вышли въ садъ. За ними вышли и мы. Оказывается, тамъ шла приготовленія къ будущему публичному состязанію между разными школами Гонгъ-Конга. Соберутся всѣ на ипподромъ и будутъ мѣряться физическими силами. Теперь подѣ предводительствомъ одного изъ черномазыхъ учителей ребята, раздѣлившись на двѣ партіи, тянулись на канатѣ. (pull). Очевидно, къ публичному испытанію здоровья учениковъ, школы готовились серьезно. Директоръ сильно звалъ придти на ипподромъ въ назначенный часъ и посмотреть, на чьей сторонѣ будетъ побѣда.

Изъ протестанскихъ учреждений мнѣ привелось посѣтить Berlin Foundling Hospital, т. е. воспитательный домъ. Онъ помѣщается въ большомъ сѣромъ домѣ въ West Point, окруженъ со всѣхъ сторонъ прекраснымъ садомъ. Поднявшись по садовой дорожкѣ, я подошелъ къ дому и вошелъ на террасу. Сквозь стеклянную дверь, нигдѣ не встрѣчая никого, я проникъ внутрь и очутился въ небольшой классной комнатѣ, въ которой за маленькими партами сидѣли еще болѣе маленькія китайскія дѣвочки въ синихъ платьицахъ. Ихъ чему-то поучалъ старый китаецъ въ огромныхъ круглыхъ мѣдныхъ очкахъ. Появленіе моего подрясника разстроило на мгновеніе мирныя занятія класса. Но китаецъ-старикъ посидѣвши отрядить одну бойкую малютку, и я быстрыми шагами пошелъ за ней на второй этажъ. Скоро явилась какая-то мистриссъ, какъ оказалось потомъ, жена здѣшняго пастора. Она проводила меня въ гостинную и попросила подождать: „Пасторъ сейчасъ придетъ“. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ пришелъ и пасторъ въ духовномъ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ. Немного погодя пришла и жена его, весьма радушная, симпатичная нѣмка, довольно уже пожилая. Принесла кофе,

и мы провели добрый часъ самымъ пріятнымъ образомъ, разговаривая о миссіи и о всемъ. Прекрасные люди—этотъ пасторъ съ его женой!

Этотъ госпиталь, по словамъ пастора, теперь заключаетъ въ себѣ до 90 дѣтей-дѣвочекъ, подкидышей. Въ Китаѣ съ дѣвочками очень не церемонятся: въ нѣкоторыхъ провинціяхъ принято держать ихъ въ семьѣ не болѣе трехъ, а то и совсѣмъ одну,—какъ родится четвертая или вторая, ее безъ дальнѣйшихъ разсужденій просто выбрасываютъ на дорогу. На помощь этимъ несчастнымъ малюткамъ и пришелъ комитетъ берлинскихъ дамъ устроившій этотъ воспитательный домъ. Особые агенты или просто нѣмецкіе миссіонеры собираютъ по Китаю дѣвочекъ и переправляютъ сюда. Здѣсь принимаютъ ихъ съ самаго перваго возраста, воспитываютъ, обучаютъ, конечно, по христіански, но оставляя нетронутой ихъ національность и потомъ отправляютъ въ Гонолулу и еще куда-то, гдѣ выдаютъ ихъ за мужъ, и вообще устраиваютъ.

Самъ пасторъ принадлежалъ къ Рейнской миссіи, провель шесть лѣтъ внутри Китая, а теперь временно исправляетъ должность пастора при госпиталѣ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ и чѣмъ-то въ родѣ казначея и комиссіонера для всѣхъ своихъ товарищей, работающихъ внутри Китая: онъ посылаетъ имъ жалованье, книги и пр. Жена тоже цѣлыхъ два года пробыла вмѣстѣ съ мужемъ, раздѣляя съ нимъ миссіонерскіе труды. Пришлось съ грустью вспомнить объ отсутствіи у насъ въ Россіи женской миссіи. Какъ бы много она могла сдѣлать для просвѣщенія христіанствомъ здѣшняго народа. Женщина проникнетъ гораздо дальше мужчины, въ самую семью, не говоря уже о томъ, что для женщннъ-язычницъ естественнѣе и понятнѣе слышать проповѣдь отъ женщины. Преосвященный Николай часто думалъ объ этомъ нашемъ недостаткѣ, но эти думы такъ и остаются думами, наши женщины не идутъ въ миссію.

По словамъ пастора, ихъ миссія, или лучше отдѣленіе миссіи работало среди китайцевъ, говорящихъ діалектомъ Пун-кинъ (если не перевралъ я китайскаго названія) или южнымъ, кантонскимъ нарѣчіемъ. Извѣстно, что китайцы по нарѣчіямъ распадаются на двѣ главныхъ группы: сѣверную и южную, при чемъ различіе въ выговорѣ и пр. такъ ве-

дикю, что китайцы разныхъ группъ совершенно не могутъ понять другъ друга. Нарѣчія эти носятъ названія: сѣверное и южное, но на самомъ дѣлѣ перемѣшаны между собою по всему Китаю, такъ что можно встрѣтить рядомъ двѣ деревни, говорящихъ на разныхъ языкахъ и не понимающихъ другъ друга. Отсюда, явилась необходимость раздѣлить весь составъ миссіи на два отдѣла: одинъ для сѣвернаго нарѣчія и другой для южнаго. Сѣти ихъ станціи взаимно переплетаются по Китаю, но они дѣйствуютъ каждая самостоятельно: изучить оба нарѣчія значитъ изучить сразу два китайскихъ языка, а это въ состояніи сдѣлать только очень немногіе избранники. Въ томъ отдѣлѣ, гдѣ былъ г-нъ Готшалкъ (фамилія моего хозяина), обращено ко Христу до 300 человекъ. Обращаются вообще съ большимъ трудомъ.

Я спросилъ его, приходится ли ему когда-нибудь проповѣдывать и вообще заниматься обращеніемъ язычниковъ здѣсь, въ Гонгъ-Конгъ? Это, оказалось, теперь не его специальность (у нѣмцевъ, вѣдь, вездѣ специальность): его дѣло теперь быть пасторомъ при госпиталѣ. Бываютъ, конечно, случаи, но регулярно вести дѣло проповѣди ему не приходится, да и нельзя: для этого нужна открытая церковь, а не домашняя.

Кончили кофе, я откланялся хозяйкѣ, и мы пошли съ пасторомъ осматривать госпиталь. Видѣли снальны дѣтѣи съ ихъ койками безъ подушекъ. Въ столовой дѣти обѣдали, ѣли рисъ изъ неизмѣнныхъ маленькихъ чашекъ и палочками, какъ и въ Японіи. За дѣтми присматривала миссъ Пробстъ, совершенно еще молодая нѣмецкая дѣвушка. Такихъ дѣвушекъ здѣсь семь, всѣ трудятся ради Христа, ходятъ за дѣтми. Прошли потомъ рекреационную комнату, въ ней цѣлая коллекція дѣтскихъ колясочекъ: это для немѣющихся еще ходить. Маленькія воспитанницы выбѣжали къ намъ на встрѣчу и мило протягивали свои ручки, прощаясь съ нами. „Пу-нень“ (прощайте). Это уже не китайскій обычай, но пасторъ говоритъ, что сдѣлано это отступленіе потому, что и въ библіи упоминается о привѣтствіи рукой.

Осмотрѣли приютскую капеллу. Въ ней пасторъ служитъ каждое воскресеніе два раза: въ 11 часовъ по нѣмецки

и въ часъ по китайски. Поютъ всѣ подъ аккомпаниментъ фисгармоніи. Принимаютъ въ пѣніи участіе и дѣти, хотя китайцы, по словамъ пастора (также, слѣдовательно, какъ и японцы) музыкальнымъ слухомъ не обладаютъ. Впрочемъ, дѣти какъ-то само собою навикаютъ пѣть и поютъ довольно хорошо.

Прошли потомъ по класснымъ комнатамъ, въ одной изъ которыхъ я уже былъ. На стѣнахъ развѣшаны на красной бумагѣ какіе-то тексты изъ Евангелія на китайскомъ языкѣ. Въ комнатѣ для старшаго возраста стояла фисгармонія. Здѣсь происходили утреннія и вечернія молитвы всѣхъ обитателей дома.

Въ кабинетѣ пастора цѣлый складъ различныхъ китайскихъ книгъ. Протестанты разныхъ миссій соперничаютъ между собой въ изданіи маленькихъ брошюръ или трактатовъ религіознаго содержанія и стараются всякими способами распространить ихъ въ языческомъ народѣ, данной страны. Выставляютъ ихъ на показъ въ своихъ миссіяхъ, дарятъ всѣмъ, кто только ни придетъ, раздаютъ и прямо на улицахъ. Я слыхалъ про одного японскаго миссіонера, американца, который, отправляясь гулять, всегда набивалъ свои карманы такими брошюрками и раздавалъ ихъ встрѣчнымъ. Говорятъ, что такая раздача брошюрокъ не остается безъ плода: бываютъ случаи обращеній именно благодаря этимъ брошюркамъ. Съ постройкой собора завели и мы эту раздачу, только у насъ даютъ не всякому, а только тому, кто заинтересуется христіанствомъ. Безалаберная раздача направо и налево, какъ и безалаберная проповѣдь, иногда вмѣсто пользы можетъ повредить. Какъ проповѣдь, насильно предлагаемую перестаютъ слушать, такъ и брошюрки могутъ перестать читать. Наше библейское общество, судя по отчетамъ, старается непременно продать св. книгу, а не подарить и именно потому, что даровую книгу человѣкъ можетъ и не прочитать. То же и съ брошюрами.

Пасторъ проводилъ меня до выхода на улицу и я простился съ нимъ, пожелавъ всякаго успѣха его святому дѣлу.

ПИСЬМО XX.

14 апрѣля 1892 г. Тоокео.

19-го марта мы вышли. наконецъ, изъ Гонгъ-Конга и на слѣдующій день пришли въ Амои, приморскій городъ

Китай, лежащій при входѣ въ Формозскій проливъ съ юга. Въ англійскомъ указателѣ объ этомъ городѣ сказано, что онъ и среди китайскихъ городовъ замѣчательнъ своей грязью. Нужно было ожидать чего-то необыкновеннаго, невиданнаго, потому что и чистые, съ китайской точки зрѣнія, города поражаютъ своей нечистотой.

Мы остановились въ какомъ-то проливѣ. Предъ нами былъ небольшой островокъ, самыхъ обычныхъ очертаній. На немъ слѣды европейскаго поселенія. Это Кулангсу, островокъ, отведенный европейцамъ, на немъ находится ихъ settlement. Переправившись чрезъ этотъ островокъ или обогнувъ его на лодкѣ можно проникнуть и въ самое Амон, въ китайскій городъ. Въ немъ есть какой-то храмъ, еще что-то, но все это осталось не осматрѣннымъ.

Мы пошли осматривать вдвоемъ. Переправились чрезъ Кулангсу, который производитъ впечатлѣнїе очень хорошаго дачнаго мѣста, такъ въ немъ много зелени. Китаецъ на синей лодкѣ перевезъ насъ на ту сторону. Съ первыхъ же шаговъ пришлось убѣдиться, что Указатель вполнѣ правъ. Мы совсѣмъ не ожидали встрѣтить такую отвратительную помойную яму, какую встрѣтили въ дѣйствительности. Улицы въ какихъ нибудь два аршина, приходилось идти гуськомъ. Солнечный свѣтъ не проникаетъ сюда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезъ улицу на высотѣ одной или полуторы сажени перекинута жерди, на нихъ сложено все, чему не нашлось мѣсто внизу: тутъ и бѣлье сушится, тутъ и паланкинъ ожидаетъ, когда онъ понадобится своему хозяину, тутъ и хворостъ, и чего только тутъ нѣтъ? Все это виситъ надъ вашей головой, и все это заслоняетъ и безъ того узкую полоску неба, которая видна изъ злополучной улицы. По, Боже мой, что представляетъ изъ себя эта улица. Какихъ только нечистотъ не стекаетъ и не сваливается на нее? Китайскія съѣстные лавки, съ ихъ спеціальнымъ препротивнымъ запахомъ, распространяютъ свой чадъ и мїазмы, которые такъ и остаются висѣть въ воздухѣ. Въ вонючей мглѣ коношатся жители за своими работами, а подлѣ нихъ на промозглой, заплѣсневалой землѣ валяются грязныя свиньи, собаки, тутъ же и ребята. Нога скользитъ по нечистой почвѣ, душа возмущается этимъ крайнимъ свинствомъ, въ какомъ видѣ здѣсь человѣка... Какъ живутъ эти люди,

какъ они имѣютъ еще силы родиться и расти здѣсь въ зараженномъ воздухѣ, безъ солища, почти безъ свѣта? Мой спутникъ не вынесъ и четверти часа. „Назадъ, назадъ. Невозможно“...

Мы бросились въ поперечную улицу и къ счастью скоро вышли на берегъ, отъ котораго начали свое путешествіе. Здѣсь устроено нѣчто въ родѣ пристани. Цѣлыя сотни лодокъ съ китайцами-лодочниками стояли у берега. На берегу же собралась другая толпа. Чего они тутъ разсуждали, понять нельзя было, но, повидимому, и особенныхъ занятій зѣсь для нихъ небыло. При нашемъ проходѣ всѣ уставились на насъ: я былъ въ подрясникѣ, мой спутникъ въ штатскомъ костюмѣ. И замѣчательное дѣло, не видно было ни одного симпатизирующаго взгляда, ни одной добродушной улыбки, какія привыкли мы встрѣчать въ Японіи. Какая-то непримиримая холодная злоба смотритъ изъ этихъ жесткихъ глазъ китайца. Не симпатичный народъ.

Недалеко отъ берега стоялъ нашъ крейсеръ „Забіяка“, пришедшій прямо изъ Россіи немного послѣ нашего прихода въ Амои. Мы отправились туда, не мало удививъ своихъ земляковъ, которые, конечно, всего меньше ожидали русскаго священника изъ такого захолустнаго китайскаго угла, каково Амои. Посидѣвъ въ радушномъ кружкѣ офицеровъ, поговоривъ съ ними объ ихъ трудномъ переходѣ и пр., мы отправились, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами Забіяки, въ дальнѣйшій обходъ, на этотъ разъ уже въ settlement.

Съ этой стороны Кулангсу гораздо живописнѣе. Здѣсь видны скалы, правда не особенно высокія, но обрывистыя и самыхъ причудливыхъ формъ.

Прежде всего осмотрѣли сигнальную станцію. Она помѣщается на отдѣльно стоящей остроконечной скалѣ, своего рода природной башнѣ. Съ боку прилипла къ ней небольшая хижина, жилище сторожа-китайца, а на вершинѣ поставлена мачта для сигналовъ. Подъемъ туда крутой, неудобный, но видъ очень хорошій: все settlement, какъ на ладони.

До нашихъ ушей донеслось какое-то пѣніе, очевидно не китайское, пѣль хоръ дѣтскихъ голосовъ. Навѣрное, по близости было какое нибудь миссіонерское учрежденіе. Ки-

тасецъ-сторожъ указалъ намъ на двухъэтажный домъ, расположенный какъ разъ у подошвы скалы, только на противоположной сторонѣ отъ подъема. Чтобы не терять времени, а главное, чтобы не терять открытаго дома, мы спустились или лучше скатились прямо безъ дороги, и скоро были предъ цѣлью нашего стремленія.

Пѣніе продолжалось, но нигдѣ ни души.. Мы нерѣшительно поднялись въ корридоръ-галлерею, еще болѣе нерѣшительно сдѣлали нѣсколько шаговъ къ стеклянной двери, ведущей въ комнату. Тамъ за черными партами сидѣло человѣкъ тридцать маленькихъ китайскихъ дѣвочекъ. На передней стѣнѣ висѣло распятіе и нѣсколько иконъ. Мы находились, очевидно, въ Воспитательномъ домѣ итальянскихъ монахинь, о которомъ говорилось въ Directory. Это учреждение съ тѣми же задачами и цѣлями, какъ и гонгъ-конгскій нѣмецкій домъ, описанный мною въ прошломъ письмѣ. Но порядки здѣсь были, какъ оказалось, совсѣмъ не тѣ. Лишь только наши странныя фигуры показались въ стеклянной двери, какъ всѣ тридцать дѣвочекъ съ удивительнымъ пискомъ и крикомъ бросились вонъ по корридору въ паническомъ страхѣ. Любопытство и на этотъ разъ побѣдило правнучекъ Евы; въ дверяхъ изъ корридора они столпились и смотрѣли на насъ. Мы, порядочно опѣшивши отъ такого неожиданнаго переполоха, однако остались ждать, не выйдетъ ли кто-нибудь изъ учителей или учительницъ. Но ожиданія были напрасны: не выходилъ никто, а старшія изъ ученицъ довольно негостепрѣмно начали махать намъ руками, чтобы мы уходили, откуда пришли. Дѣлать нечего, пошли назадъ. Въ дверяхъ появилась, наконецъ, толстая-претолстая китаянка, къ которой я и обратился съ вопросомъ, нельзя-ли осмотрѣть ихъ учрежденіе. Но и эта китаянка отрицательно замотала головой и для большой убѣдительности захлопнула двери. Мелкота выставилась было въ окнахъ, но и окна стали быстро закрываться ставнями. Вотъ такъ пріемъ. По католическому обычаю и эти монахини, такимъ образомъ, прячутся отъ людей. Обыкновеніе, котораго одобрить нельзя.

Выпровоженные съ такимъ триумфомъ изъ католической школы, мы пошли бродить по острову. Попадались и улицы, и совершенные пустыри, съ высокими скалами, совсѣмъ ди-

кія мѣста. Плана Settlement какъ-то не поймешь. Въ одномъ изъ такихъ пустырей стоялъ буддійскій храмъ или скорѣе часовня. Бонза служилъ въ ней должно быть вечернее богослуженіе. Мурлыкалъ что-то стоя (а не сидя, какъ японцы) предъ своимъ идоломъ. Замѣтивъ, что мы пришли, бонза посторонился отъ идола, сталъ въ профиль. Вотъ до чего они вѣжливы! Около часовни въ древнее время стоялъ монастырь; по крайней мѣрѣ, въ скалахъ, которыя образуютъ вблизи настоящей замокъ, несомнѣнно въ старину жили какіе-нибудь буддійскіе подвижники: всѣ скалы усѣяны китайскими надписями.

Идемъ снова по улицамъ. Опять слышно хоровое пѣніе, на этотъ разъ слышны были мужскіе голоса и напѣвъ совершенно такой же, какъ я слышалъ въ англиканскомъ соборѣ въ Гонгъ-Конгъ. Это уже несомнѣнно миссія. Вошли на довольно чистый дворъ съ качелями и пр. школьными принадлежностями. Пѣніе несло съ второго этажа деревяннаго дома обычной колоніальной постройки. Тамъ видны были нѣсколько человѣкъ китайцевъ, которые и пѣли. Намъ скоро замѣтили, и на встрѣчу выскочило человѣкъ пять китайцевъ. Всѣ молодые, лѣтъ по двадцати или около, у всѣхъ умныя, хорошія лица. Всѣ смотрѣли на насъ ласково, любезно, и слѣда не было той затаенной враждебности, какую только что видѣли въ китайскомъ городѣ. Къ сожалѣнію, мы не говорили по китайски, а изъ нихъ никто не зналъ ни слова по англійски, не понимали такихъ даже словъ, какъ христіанинъ, Христосъ и т. п. Намъ однако провели въ классную комнату. На стѣнахъ висѣли карты, въ томъ числѣ карта Палестины, на столѣ для учителя разложены библии на китайскомъ, англійскомъ языкахъ и на китайскомъ англійскими буквами. Очевидно, это школа миссіонерская и именно англійскихъ или американскихъ протестантовъ.

Между тѣмъ въ комнату сбѣжалось еще нѣсколько человѣкъ учениковъ. Они столпились около насъ, засматривали намъ въ лицо, улыбались, вообще всѣми способами, кромѣ словъ, старались выразить намъ свою любезность, привѣтливость. Наконецъ, насъ выручилъ другой китаецъ, немного постарше окружавшихъ насъ, это былъ учитель. Онъ зналъ, хотя тоже очень слабо и съ дурнымъ выговоромъ, англій-

скій языкъ (очевидно, эта школа поставлена довольно нормально: дать китайцамъ христіанство и образованіе, но не дѣлаетъ изъ нихъ европейцевъ). Съ разными насиліями надъ англійской грамматикой съ той и другой стороны, намъ удалось узнать, что всѣ толпившіеся около насъ молодые китайцы-христіане и что школа принадлежит шотландской Пресвитеріанской Миссіи. Шотландецъ миссіонеръ ихъ называется мистеръ Томсонъ и еще какой-то другой, фамилии котораго не могли разобрать. Въ школѣ два класса, и въ томъ, гдѣ мы были, было 16 человекъ. Пошли на второй этажъ. Тамъ помѣщалось общежитіе учениковъ. Устроено очень хорошо. Каждый воспитанникъ имѣетъ отдѣльную комнатку. Въ ней постель съ кисейнымъ пологомъ (здѣсь это совсѣмъ не нѣжность, какъ можетъ показаться съ нашей сѣверной точки зрѣнія: москиты здѣсь не даютъ спать безъ пологовъ). Въ комнаткѣ потомъ стоитъ столъ и этажерка съ книгами. Все очень опрятно, чисто. Въ нѣкоторыхъ комнаткахъ хозяева ихъ сидѣли за столами и читали во все горло на распѣвъ какія-то книги. При нашемъ появленіи чтеніе, конечно, прекращалось и чтець, любезно раскланявшись съ нами, присоединялся къ нашей свитѣ.

При видѣ такого устройства школы, я понялъ, что это не можетъ быть просто низшая школа. „Что это? богословская школа“?, спрашиваю учителя.—Да. „И вы всѣ потомъ становитесь проповѣдниками“?—Да. Самъ онъ преподавалъ въ школѣ толкованіе Библии.

Зашли и въ комнату учителя. Она ничѣмъ не отличалась отъ ученическихъ. На столѣ лежитъ Библия и маленькая Dayly Book, съ религіозными размышленіями на каждый день года.

Спустились нѣсколько подъ горку, на томъ же дворѣ, въ ученическую столовую и кухню. Тамъ уже былъ готовъ для нашихъ любезныхъ хозяевъ обѣдъ, и мы, не желая мучить ихъ голодомъ, раскланялись съ ними и ушли.

Школа, по словамъ учителя, устроена всего прошлый годъ, поэтому она и смотритъ такой чистой и веселой.

Мистеръ Томсонъ жилъ въ сосѣднемъ особомъ домѣ, точно такой же постройки и величины, какъ и школа. Я и раньше слышалъ, что протестантскіе миссіонеры вообще живутъ пространно. Впрочемъ, сравнивать ихъ съ католи-

ческими совѣмъ нельзя. Протестанты по большей части семейные люди, а гдѣ есть жена, тамъ непременно будетъ и нѣкоторый комфортъ, нѣкоторыя удобства жизни, которыхъ холостому человѣку и не устроить, да и въ голову не придетъ устраивать. На этотъ разъ, впрочемъ, къ миссіонеру мы не пошли, ограпившись только внѣшнимъ взглядомъ на его жилище.

Намъ передавали, что Шотландская миссія въ Амои и, главнымъ образомъ, еще въ какихъ-то двухъ провинціяхъ имѣла до 6000 человѣкъ крещенныхъ. Да, сумма круглая...

На слѣдующій день мы вышли изъ Амои. Качки, по словамъ моряковъ, не было. На благовѣщеніе была у насъ и служба. Но отъ вечерней бесѣды на канунѣ праздника пришлось отказаться, нѣсколько смалодушничалъ, хотя и жаль было моихъ слушателей, которые бросали на меня ожидающіе взгляды. Прекрасный народъ. И какъ они каются на исповѣди. Вотъ гдѣ учиться намъ искреннему смиренію и чувству грѣховности. Удивительно есть чистыя души, хотя и приходится имъ по временамъ падать. Есть и ригористы между ними, но только это не узкіе исполнители долга. Чувство законности намъ русскимъ, да пожалуй, и всѣмъ вообще славянамъ, не особенно свойственно, мы не нѣмцы и не японцы. Въ русскомъ ригористѣ имѣется чувство страха *Божіа*, закона *Божіа*. Чувства эти принято ожидать только у людей пожившихъ, нѣсколько устарѣвшихъ, но мнѣ пришлось встрѣтить совѣмъ еще юношей, матросовъ перваго года, которые благоговѣнно говорили: „Нельзя. Это не по закону“. Должно быть происходили изъ какой-нибудь богобоязненной старой семьи съ хорошимъ домашнимъ укладомъ. Конечно, большая часть легкомысленны, но гдѣ безъ немощей?..

Въ Лазареву субботу, 28-го марта, остановились около Чифу. Дулъ пронзительный сѣверный вѣтеръ. Небо было облачно. На верхней палубѣ было холодно и сыро. Вдали виднѣлось Чифу, или собственно говоря, мѣсто, гдѣ предполагалось Чифу. Туманно, сѣро, неприглядно. А тутъ еще небольшая качка, хотя мы стояли и на якорѣ. Совѣмъ не хорошо. Изъ всего Чифу разсмотрѣлъ большой домъ, стоявшій на берегу, это контора какого-то большого русскаго чайнаго торговца.

Адмиралъ нашъ перешель на Сивучъ и отправился на немъ въ Тіензинъ и оттуда въ Пекинъ, а мы повернули прямо на востокъ и пошли понерекъ Желтаго моря въ Нагасаки.

Сѣверный вѣтеръ все возрасталъ, волненіе усиливалось. Всенощную наканунѣ Вербнаго Воскресенья кое-какъ отслужили. Но утромъ пришлось отъ службы отказаться. Ожидали еще большаго волненія и вѣтра. Надвигалась буря. Но нашъ корабль, къ великой гордости механика, не выдалъ: поздно ночью, часовъ въ 10, въ непроглядной тьмѣ, мы вошли на рейдъ въ тихой нагасакской пристани. Во мракѣ рѣзко блестящіе отличительные огни Владиміра Мономаха, который зимовалъ здѣсь и теперь привѣтствовалъ нашъ приходъ.

Прекрасно прошли торжественные дни страстной недѣли, весело втрѣтили мы пасху. А тамъ пришелъ въ Нагасаки „Саратовъ“, пароходъ Добровольнаго флота, съ давно жданымъ іеромонахомъ, моимъ замѣстителемъ.

Въ пятницу на пасхѣ отходилъ въ Кобе маленькій японскій пароходикъ: я рѣшилъ ѣхать на немъ. Сердечно простились со мной офицеры и матросы, и я, напутствуемый ихъ благожеланіями, ночью отправился. Отдохнула душа среди этихъ хорошихъ людей.

Въ первомъ классѣ со мной ѣхалъ какой-то бонза. Сначала было пустились въ разговоръ. Мы, дескать, преслѣдуемъ одну и ту же цѣль: нравственную пользу народа. Но потомъ, когда на одной изъ промежуточныхъ станцій къ намъ сѣло еще нѣсколько пассажировъ, онъ почему-то законфузился и спрятался до самаго прихода въ Кобе.

Судя по его поведенію и пр., онъ принадлежалъ къ новой сектѣ буддизма, которую можно назвать буддійскимъ протестантизмомъ. Старый буддизмъ старался достигнуть спасенія путемъ изнурительныхъ подвиговъ, и, такимъ образомъ, превратился собственно говоря, въ монашескій орденъ; міряне существовали только въ видѣ неизбѣжной послѣдовательности; бракъ отвергался, запрещалось ѣсть мясо и т. п. Но вотъ явился въ Японіи одинъ престарѣлый бонза, который получилъ откровеніе, что всѣ подвиги, безбрачіе, воздержаніе отъ мяса и пр., не имѣютъ никакого значенія, — человекъ спасается только высшей силой. Все

дѣло спасаемаго призвать эту силу на помощь. Бонза, по старости свободный отъ всякихъ подозрѣній, сообщилъ откровеніе своему ближайшему ученику и заставилъ его жопиться. Такъ основалась эта секта: Син-сюу.

Въ настоящее время это самая распространенная секта въ Япоііи. И причина этому—въ ея своеобразной политикѣ въ прошедшую эпоху. Когда господствовалъ сѣгунскій домъ, приверженный къ буддизму, онъ сильно покровительствовалъ всѣмъ сектамъ. Старый буддизмъ, и безъ того склонный смотрѣть свысока на народныя массы, какъ на невѣжду, теперь благодаря щедрымъ дарамъ правительства, и совсѣмъ бросилъ народъ: въ его приношеніяхъ онъ не нуждался. Одна только новая секта отклонила отъ себя правительственную помощь и обратилась къ народу, оттого, и весь народъ перешелъ къ ней. Привлекало, конечно, его и самое ученіе новой секты: въ ней мірянинъ былъ болѣе или менѣе полноправнымъ человѣкомъ (хотя и трактовался тоже, какъ темный невѣжда). Да и бонзы были женаты, нѣсколько застрахованы отъ того поголовнаго разврата, которымъ до безстыдства заражены были бонзы другихъ сектъ, бонзы стараго буддизма.

Во главѣ новой секты стоитъ что-то въ родѣ первосвященника, какъ и въ другихъ сектахъ. Разница только въ томъ, что въ новой сектѣ достоинство первосвященника наследственно, переходитъ отъ отца къ сыну въ одномъ княжескомъ родѣ. Скоро вліяніе этого князя стало столь большимъ, что внушило серьезныя опасенія правительству. Последнее, при благопріятномъ случаѣ, вмѣшалось въ споры изъ - за наследованія первосвященническаго достоинства и успѣло расколоть эту секту на двѣ: Ниси-Хонганзи и Хигаси-Хонганзи, т. е. Западнаго храма и Восточнаго храма. Во главѣ каждой стоитъ такой же первосвященникъ, но, конечно, власть каждаго не такъ обширна и не такъ опасна, какъ власть одного прежняго. Секты эти въ вѣроученіи и обрядахъ ничѣмъ одна отъ другой не отличаются и живутъ, новидимому, мирно. И та, и другая теперь процвѣтаютъ (сравнительно): самыя большія и богатоукрашенныя тѣра почти всегда принадлежатъ имъ. Особенно грандіозны эти тѣра въ Кеото, гдѣ находится главная квартира той и другой секты.

13-го числа въ понедѣльникъ пришли раннимъ утромъ въ Кобе. Былъ ужасный туманъ, ни-зги не видно. Слышно было, что Кобе совсѣмъ близко. Сквозь мглу доносились городской шумъ, стукъ экипажей, мапинтъ на заводахъ, — во города не видно. Долго мы стояли въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, бѣлая занавѣсь поднялась, и оказалось, мы стояли носомъ прямо въ бортъ огромнаго военнаго корабля. Еще бы немного и было бы очень плохо.

Въ тотъ же день выѣхалъ я по желѣзной дорогѣ въ Тоокео, куда сегодня и прибылъ къ великой своей радости. Здѣсь все также; по прежнему неустанно и непрерывно работаетъ заведенная машина. Преосвященный Николай преподавалъ за меня въ Семинаріи и въ женской школѣ, не оставляя и обычныхъ своихъ дѣлъ. Теперь онъ по немного собирается опять въ отъѣздъ: обозрѣвать церкви южной половины. Пробудеть въ поѣздкѣ на этотъ разъ очень долго, можетъ быть до собора, который предполагается въ Августѣ въ Оосака.

Мы останемся опять здѣсь одни. Я буду по прежнему учить въ Семинаріи и въ женской школѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.
